

18+

Вячеслав Воейков

Полигон непуганных бомжей

Вячеслав Воейков
Полигон непуганных бомжей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69507898

ISBN 9785006038325

Аннотация

Эта история о людях, на которых мы не обращаем внимания. Всего лишь изменив точку зрения, ты уже идешь по другой дороге жизни.

Содержание

Первая часть	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Полигон непуганных бомжей

Вячеслав Воейков

© Вячеслав Воейков, 2023

ISBN 978-5-0060-3832-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЯЧЕСЛАВ ВОЕЙКОВ

Полигон непуганных бомжей

*Всего лишь изменив точку зрения,
ты уже идешь по другой дороге жизни.*

Первая часть

Глава 1

Мрачное осеннее небо нависло над полигоном.

В восемь часов утра оглушительный рев бульдозера взорвал тишину и пронесся над лачугами бомжей. На извилистых тропах между мусорными кучами, словно призраки, возникающие из ниоткуда, один за другим стали появляться люди. Подгоняемые сзади сизым туманом, они медленно тянулись к месту, где работал мощный железный гигант, и сбивались в кучку. Разные по возрасту, с одинаково тусклыми и бесцветными лицами, собравшиеся больше напоминали живую грязную и опухшую от вчерашней пьянки массу.

Все как один в этой шевелящейся, глухо переговаривающейся толпе держали в руках зеленые строительные мешки, пропитанные вонью и грязью. Еще не совсем проснувшиеся бродяги с равнодушным видом уставились на грозного монстра, появление которого вырвало их из сонного забытья.

А железный амбал, продолжая всей своей мощью врезаться в мусор, угрожающе урчал, рычал, выбрасывал из трубы клубы черного дыма и медленно растаскивал хлам в разные стороны, утюжа его под собой.

Бульдозер, железный раб, послушно делал свою работу.

Тучи на небе сгустились, темнели и опускались все ниже. Перед глазами жителей свалки всплывала безнадежная перспектива начавшегося дня.

Они угрюмо смотрели на ревушую махину, как и на весь мир, безучастными глазами, подавленные живущими в их головах болезненными страхами и мрачными мыслями...

Наконец кто-то рывкнул:

– Сидор! Ты че глазеешь? Недопил вчера?..

От этого крика бомжи оживились и словно по команде всей оравой накинулись на развороченное месиво, ожесточенно вороша его крюками, выискивая и складывая в вонючие мешки нужное для них барахло. Когда мешок наполнялся доверху, отяжелевшую тару прятали здесь же, в отработанном отвале, и, не останавливаясь, продолжали поиски того, что могло пригодиться.

А железная махина, не прерываясь, методично выполняла свою работу. Время от времени она неожиданно замирала, разворачивалась, и гусеничный привод вновь врезался в пласт, как ножом срезая новый слой...

Вскоре на полигоне выросла огромная куча, которую неугомонный бульдозер упорно двигал и двигал вперед...

Через какое-то время ревушее железо ненадолго остановилось, прокрутилось на одной гусенице и, выстрелив черным дымом из трубы, тяжело отдуваясь, поползло на бомжей. Те сначала кинулись врассыпную, а затем пристроились сзади и пошли за ним, как грачи по взбороненной земле,

тщательно осматривая каждый сантиметр.

Неожиданно что-то грохнуло. Все, кто находился на полигоне, повернули головы в сторону огромного мусорного холма и застыли от удивления. На их глазах вершина гигантского кургана вздрогнула и стала оседать, проваливаясь внутрь в образовавшуюся воронку...

Обвал сопровождался каким-то утробным гулом, который внезапно усилился, сотрясая землю.

Свалочный газ, образовавшийся внутри полигона в результате разложения гниющих масс, по какой-то причине пришел в движение и начал буйствовать. Ядовитые вещества, накопленные за годы существования свалки, вспучили ее тело, разрывая изнутри. От напряжения оно начало конвульсивно выгибаться, стонать и задыхаться.

Огромная воздушная масса больше уже не могла оставаться внутри. Газ сотрясал всю поверхность полигона мелкой дрожью и с силой рвался наружу в поисках выхода...

И в какой-то момент произошло страшное: оглушительный взрыв разнесся по всей территории, окончательно поглотив верхушку холма в клубах взметнувшейся вверх пыли. Внутри глубокого кратера началось самовозгорание...

Содрогавшееся тело свалки выбросило токсичные вещества, выдохнуло, успокоилось и замерло...

В воздухе расплылось ядовитое облако ужасного смрада. Обитатели свалки в молчании бессмысленно тарасили

глаза на происходящее, а затем раздался общий выдох, заглушаемый трескотней бульдозера.

– Там прямо все кипит, – покачав головой, со страхом в голосе проговорил худой болезненного вида бомж с седыми волосами. – Это похоже на ад, – уже шепотом добавил он и трясущимися пальцами стал застегивать замызганную куртку.

В эту секунду сквозь рев работающего трактора донесся чей-то полный ужаса вопль. Сбившиеся в кучку бомжи повернулись на крик и уставились на железного зверя. Прямо на их глазах копошившаяся в мусоре фигура в старом сером плаще, отчаянно размахивая руками и ногами, исчезла под гусеницами, раздавленная тяжелой машиной. Пронзительный крик несчастного взлетел над толпой и потонул в мощном реве бульдозера...

А монстр, грозно хрипя, равнодушно продолжал свое движение. Мощные ножи раз за разом с силой врезались в мусорные пласты, и железная громада легко перемещала их дальше, разравнивая и утюжа своей тяжестью все, что попадалось на пути.

– Дурак он, этот Федька... сам виноват, – шмыгнув носом, проговорил один из бродяг. – Не надо было лезть, пока железка не прошла.

– Да он и всегда был никакой, – со злостью поддержал другой.

Две стоявшие рядом женщины только ошеломленно хло-

пали глазами и вздыхали.

– Ладно, вечером выпьем за его упокой, – почесал переносицу маленький лысый бомж и со вздохом добавил: – Пусть ему хоть на небесах будет хорошо...

– Ага, – поддержал первый.

– Ну, случилось и случилось, – равнодушно сказал кто-то. – Че встали, надо вслед за этим танком идти, а то что-нибудь интересное профукаем...

И бомжи снова с остервенением заработали крюками, раскидывая ненужное по сторонам. Завидев бульдозер, бросали работу и неохотно отходили в сторону, а после того как он удалялся, вновь, будто саранча, облепляли мусор, подвергая все тщательному досмотру. Работали молча. Только один раз кто-то жалостливо проговорил:

– Эх, жаль мужика! Это ж надо, только за лето восемь наших попало под железный утюг...

Угрюмая масса, не обращая на него никакого внимания, продолжала орудовать крюками.

Грохот железного чудища неожиданно оборвался. В наступившей тишине было слышно, как заскрипела железная дверь, и маленький чумазый тракторист спрыгнул на землю.

Он несколько раз присел, разминаясь и размахивая руками, потянулся в разные стороны и оглянулся на бомжей.

Мазнув по копошащимся фигурам безразличным взглядом, сплюнул на мусор и пошел к охране обедать. Бродяги молча проводили его глазами.

– Смотрите! Смотрите! – гнусавым голосом вдруг вскрикнул худой бомж в коричневой кепке.

Все, кто стоял рядом, повернули головы в ту сторону, куда указывала рука кричащего.

Трое пацанов лет по четырнадцати, проворно скатившись с мусорной горы, подхватили спрятанные в отвале мешки с товаром и рванули за кучу.

– Э, але! Шпингалеты! А ну стой! Задавлю! – заорал худой обросший бомж, но не сделал и шага в их сторону.

Все понимали, что это пустые угрозы. Ни догонять похитителей, ни тем более что-либо предъявлять им не имело никакого смысла. Ловкие и прыгучие, как саранча, беспризорники быстро исчезли за большими кучами мусора. Лачуги оборвышей располагались немного подальше от свалки, чуть ли не на берегу реки. Там всегда горели костры, а когда наступала ночь, над тихим сонным полигоном с той стороны неслись пьяные песни, ругань и смех...

Бомжи не дружили со своими соседями, даже побаивались их и ходили мыться ниже по течению.

Бездомных детей, успевших многое повидать в своей короткой жизни, нисколько не пугала серая вонючая толпа, обретавшаяся на полигоне. Наоборот, они в открытую провоцировали и грабили бродяг, подбивая их на драку. Это было

что-то вроде состязания в ловкости и быстроте. Сорванцы прятались за кучами хлама в укромных местах и наблюдали, как бомжи группами распределялась по местам распотрошения привезенного мусора. Дождавшись, когда те набьют свои мешки товаром, который можно продать, выскакивали из засады и, схватив добычу, исчезали между кучами хлама. Все было очень просто: один отвлекал сторожившего мешки бомжа куревом или «болтухой», настоящей на дрожжах, другие стремительно нападали и забирали трофеи... Молодость и азарт были на их стороне.

Краденые мешки, спрятанные бомжами, давали шанс сегодня быть с деньгами или на худой конец получить в обмен на них пойло, которое называли вино-водочной гастрономией. А после особенно удачной вылазки можно было несколько дней валяться в своих лачугах в прострации и ни о чем не думать.

Беспризорники сбивались в стайки, понимая, что так легче выжить и обеспечить себе пропитание, например, просто отбирая добытое у бомжей. Им этот промысел нравился, он напоминал детскую игру в войну, где победа всегда доставалась более сильным и смелым.

К вечеру, когда солнце начинало клониться к закату, сортировка мусора прекращалась. Поеживаясь от холодного

осеннего ветерка, пронизывающего старую рваную одежду насквозь, бездомные бродяги устало распрямляли согнутые спины и поднимали с земли свои мешки...

Наверху, за кучей мусора, у проходной, находился приемный пункт полигона. Все знали, что там, у закрытого шлагбаума, в ожидании их прихода собираются всякие темные личности, так называемые частники. У них можно было одним махом поменять собранный цветной металл, алюминий, макулатуру и многое другое на контрафактное спиртное, сигареты, а если повезет, то и на деньги... Нагруженные вонючими мешками, бомжи шли туда вереницей в надежде сорвать куш, который позволит им согреться и запастись едой, а значит, какое-то время продержаться.

От речки потянуло сырым и холодным воздухом, и вместе с ним между огромными кучами мусора стал расплзаться смрад. Дурно пахнувший воздух окутывал всю огромную территорию полигона, заставляя толпившихся у шлагбаума частников материться, морщиться и зажимать носы. Но, несмотря на это, они не уходили, дожидаясь бомжей, так как обмен всегда получался выгодным и на нем можно было неплохо нагреть руки.

Никто не обращал внимания на небольшую группу из четырех мужиков и трех женщин, которые, обступив парня лет сорока плотного телосложения, наседали на него с претензиями. Тот стоял напротив, твердо расставив ноги, чуть пригнувшись и наклонив тело вперед, как для прыжка. Нозд-

ри его широкого носа раздувались до невероятных размеров. Парень был на голову выше каждого из тех, кто его окружал, но бродяг это не останавливало, и, образовав полукруг, они не собирались отступить.

Оказавшийся в кольце громила то и дело поправлял сползавшую на глаза синюю спортивную шапку, на которой отчетливо виднелись черные отпечатки пальцев, будто кто-то приложился грязной пятерней. Исполдбья он внимательно следил, за движениями каждого из бомжей маленькими сузившимися глазками, в которых таились злость и угроза. На круглом обросшем лице его играла отвратительная усмешка, не сулившая противникам ничего хорошего. При виде этой злобной ухмылки те поеживались от страха, но не расходились.

– Антон, отдай то, что взял! – хриплым срывающимся голосом выкрикнул кто-то из бомжей и добавил чуть тише: – И можешь валить, куда хочешь.

Антон стянул надоевшую ему постоянно сползавшую шапку и тряхнул длинными грязными волосами. На секунду закрыл глаза, что-то обдумывая, а затем сделал шаг назад и расставил слегка согнутые ноги еще шире.

– Это кто там умничает? – угрожающе прохрипел он, вертя головой в разные стороны, чтобы держать всех в поле зрения. – Ну, чего уставились?!

От напряжения глаза его налились кровью, при каждом слове через редкие черные зубы брызгала слюна. Антон был

явно взбешен, острый взгляд его маленьких, похожих на буравчики глаз поочередно останавливался на каждом из присутствующих, словно ощупывая и проверяя на прочность.

– Ну, че! Давно не видели меня! Че пялитесь, спрашиваю!..

Он попытался усмехнуться, но красное от гнева лицо исказила отвратительная гримаса. Бешеные глаза выискивали говорившего, пронзая каждого бомжа насквозь.

– Ну, кто там базарил? Выходи! Иди сюда... И заberi то, что считаешь своим...

С глухим ропотом кучка бродяг колыхнулась и медленно расступилась. Навстречу Антону на полшага вперед выступил щупленький старичок лет шестидесяти. Правая рука его опиралась на толстую палку, видимо, служившую ему вместо костыля. Левая, нервно подрагивая и сжимаясь, теребила край толстого синего свитера.

Верзила оценивающе посмотрел на впалую грудь и маленькие руки тщедушного деда и растянул губы в презрительной ухмылке. Небрежно сплюнув сквозь зубы, весело проговорил:

– Это ты, дед, что-то прошамкал? Ну-ка, повтори!

Собравшиеся тихо загудели, сочувственно поглядывая на старика. Тот вытер левой рукой пот со лба и, сощуриив глаза, тихим голосом проскрипел:

– Антон, ты украл наши мешки с алюминиевыми банками... – он оглянулся на притихших товарищей в поисках

поддержки и продолжил: – Они такие же, как и ты. Но они приложили усилия, чтобы их набрать, а ты нет...

Старик судорожно дернул шеей и сторбился, опираясь обеими руками на палку. На секунду замер, затем медленно поднял голову и выдохнул:

– То, что украл у нас... надо вернуть...

Антон изобразил на лице непонимание, глаза недобро сверкнули. Сдерживая кипевшую внутри злобу, готовую в любую минуту вырваться, скривил губы в уродливой ухмылке.

– И че?! Ну че ты мне сделаешь? Дашь своей палкой по заднице? – ерничая, ослабился громила, глядя на старика сверху вниз.

– Наверно, нет, – тихо ответил старик. – Я не умею воспитывать взрослых идиотов...

Бомжи охнули и, разом утратив боевой настрой, отшатнулись от деда.

Антон злобно пробормотал что-то невнятное и угрожающе шагнул навстречу.

– Але! Хоттабыч! А ты случайно ничего не попутал? – слова с рычанием прорывались сквозь стиснутые зубы.

Старик оставался на месте, неподвижно застыв в одной позе. Глаза его, превратившиеся в узкие щелки, изредка подрагивали, но внимательно следили за верзилкой.

Над полигоном повисла гнетущая тишина, только резкие крики ворон и чаек изредка пронзали безмолвие.

– Ну! – надвинулся на него детина.

Старый бомж немного пригнулся в ожидании удара и произнес внезапно охрипшим, но твердым голосом:

– Отдай, что украл. Люди весь день откапывали это железо, чтоб заработать...

– Чудак ты, дед! Да я тебе и твоим людям такое устрою...

Договорить Антон не успел. Его глаза неожиданно округлились, зрачки сошлись к носу и несколько секунд рассматривали палку бомжа, соображая, насколько глубоко она вошла в кадык...

Затем в голове детины что-то треснуло, в глазах стало темно. Подогнувшиеся ноги уже не могли держать беспомощное тело, и он рухнул с глухим стоном, напоминающим рычание...

На другом конце полигона, у речки, что-то бабахнуло, потом еще и еще, и темнеющее небо осветилось фейерверком. И вновь воцарилась тишина.

– Ну, наверно, так правильно, – пробормотал старый бомж и, медленно переставляя ослабевшие ноги, двинулся по протоптанной среди мусорных завалов тропинке.

Кучка бомжей еще какое-то время оставалась в оцепенении, молча глядя на распластанное тело Антона. Над ними, ярко озаряя темнеющее небо, вспыхивали и быстро умирали

в воздухе разноцветные звездочки фейерверка. Постояв еще немного, серая масса так же молча стала медленно расплываться по своим землянкам.

К этому времени небо было уже все в тучах, пошел холодный дождь.

Чувствуя, что ему не хватает дыхания, старый бомж остановился и оглянулся.

Антон продолжал лежать без движения.

– В своей смерти он виноват сам, – прошептали губы старика. – Я сделал все правильно, вот и небеса меня поддерживают...

Он поднял голову к небу, и дождь холодными струйками безжалостно хлестал по его обросшему худому лицу, смывая грязь и слезы.

– Господи, ты же видел, что я не хотел этого... Я знаю, что зла и без того много... Но мы все твои дети, и каждый несет бремя своих испытаний...

По небу серебристой змеей скользнула огромная сверкающая молния, раздался страшный грохот.

– Я знаю, ты слышал, что я его просил, – бормотал старик трясущимися губами. – Мы все под тобой ходим, хоть и холодные и холодные...

Раскат грома вновь пронесся по небу, и молния осветила полигон, сверкая золотыми брызгами.

– Спасибо, господи, что услышал, – прошептал бомж.

Глаза его затуманились. Неожиданно он ощутил чудовищ-

ную тяжесть в ногах, каждое движение давалось с трудом. Опираясь на палку, старик попытался оторвать ноги от земли. Но неведомая сила камнем наваливалась на него сверху, давила и расплющивала, прижимая к земле.

Его всего передернуло. Он замер на месте, не дойдя до укрытия всего несколько шагов. В груди сильно кольнуло. Старик прижал руку к сердцу и почувствовал, как оно стало останавливаться.

В глубине его зрачков появился страх, беспорядочно заметался и через мгновение застыл навеки. По телу побежало множество мурашек, оно вдруг содрогнулось и обмякло.

Старый бомж как подкошенный упал на землю.

Голова запрокинулась, и в остеклевенных глазах стали отражаться несущиеся в разные стороны яркие молнии...

Глава 2

По извилистому серпантину полигона, урча и выбрасывая из труб клубы черного дыма, медленно двигались один за другим три КАМАЗа. Время от времени машины останавливались, из первой выпрыгивал молодой водитель и придирчиво осматривал размытую дождями дорогу, после, оценив ситуацию, оглядывался на стоящие сзади за ним урчащие громадины, улыбался и махал им рукой. КАМАЗы, взревев моторами, дергались, скрипели и медленно продолжали путь дальше.

– Слышь, Роман, – раздался в телефонной трубке первого водителя голос замыкающего, – что у тебя там впереди видно? Что-то очко играет... Дорога скользкая, неохота вместе с грязью в мусорные кучи врыхаться... Сам понимаешь, тогда придется здесь оставаться ночевать...

В это мгновение Роман почувствовал, как руль стал легко проворачиваться сам по себе и колеса заскользили по разбитой колее.

– Блин, Володя! Ты что каркаешь?

Руль снова начал крутиться независимо от колес. От неожиданности Роман широко раскрыл глаза, лицо скривилось:

– Все, Володя, я останавливаюсь. Давай посмотримся, а там решим, что делать.

– А, ну давай. Сейчас Косте позвоню, чтоб в тебя не вошел...

Головная машина зашипела, ухнула под своей тяжестью и резко остановилась неподалеку от рассеявшейся на мусорной куче стаи ворон. Те с любопытством уставились на незваных гостей и даже проковыляли несколько метров в сторону машин. Но затем что-то их спугнуло, громко каркая, они поднялись всей гурьбой вверх и перелетели на соседний холм.

После резкой остановки первая машина еще какое-то время по инерции раскачивалась взад и вперед. При этом казалось, что большие буквы на красном контейнере «Сделаем наш город чище» задвигались, будто норовили соскочить на грязную грешную землю.

Роман спрыгнул со ступеньки, и его новые коричневые ботинки мягко погрузились в темно-серую вонючую жижу. «Блин, грязища...», – брезгливо передернулся он и, нахмурившись, с отвращением посмотрел вниз, где на огромных развороченных кучах сутились серые безликие фигуры. Сортировка отходов шла полным ходом...

Рядом с ловко орудующими бомжами, нисколько не пугаясь их, важно расхаживали чайки и вороны.

– Нет, мужики, – Роман сделал несколько шагов навстречу подошедшим к нему двум водителям, – по всему видать, дальше двигаться не получится. Все раскисло.

– Вот сволочи! – сплюнув сквозь зубы, зло процедил маленький щуплый водитель и с тоской огляделся. – Ведь в прошлом году руководство администрации в грудь било, что с дорогой на полигон проблем не будет...

– Ага, дождешься их, как же, – уныло поддержал его Володя. – Я это уже третий год слышу, а ничего не меняется.

Поеживаясь от порывов холодного ветра, он стал торопливо застегивать камуфляжную куртку. Маленький водитель, угрюмо разглядывавший размокшую дорогу, помрачнел, лицо его совсем скисло.

– Нет, ребята, надо что-то думать, – он снова глянул на дорогу. – Не хочется здесь на ночь оставаться, но и спускаться опасно.

Роман снял черную кепку и в задумчивости почесал затылок:

– Думаю, мужики, придется к Прокурору идти, он дядька мудрый. Найдет выход.

Невысокий камазист, глубоко затягиваясь сигаретным дымом, при этих словах поперхнулся и закашлялся, его маленькие глазки выкатились из орбит, дым застрял в груди. Застыв как истукан, он уставился на Романа, дым тонкими струйками пополз из его ноздрей и уголков рта. Чтобы не задохнуться, Костя сжал свои маленькие кулачки и барабанной дробью начал колотить себя по груди.

Глядя на эту комичную картину, Роман не выдержал и расхохотался.

– Ты смотри, Костя, не убей себя так, – сочувственно проговорил он, вздохнул глубоко, полной грудью и тут же, сморщившись, сплюнул. – Фу ты, дрянь такая! Опять воню потянуло...

– Так ведь я действительно ничего не знаю об этом Прокуроре, – продолжая разговор, пожал Костя плечами и развел руки в стороны.

– Да не парься ты, я и сам про него толком ничего не знаю. Слышал, что вроде бы решает местные проблемы, – Роман перевел вопросительный взгляд на Володю: – Может, ты в курсе?

– А черт его знает, кто он такой... Может, это его погоняло?

Прищуриив глаза, Роман внезапно уставился вдаль поверх головы мелкого водителя и с тревогой проговорил:

– Ребята, это не к нам ли вон те двое в камуфляжах? Охранники, что ли... смотри, руками машут...

Водилы развернулись, глядя на торопливо бегущих к ним мужиков в форме.

– Слышь, Роман, вроде они нам сигналият, – тихо проговорил Костя. – Вон, видишь, здоровяк весь жиром трясется и резиновую дубинку крутит...

Первым поспешно семенил худой мужичонка лет сорока. Согнувшись вопросительным знаком, он тяжело дышал и постоянно поправлял камуфляжную кепку, то и дело сползавшую ему на лоб. Правая рука его, как заводная, поднималась

и тут же резко опускалась вниз, похоже, требуя, чтобы камазисты оставались на месте. Другой он придерживал дубинку, висевшую на поясе, которая болталась в разные стороны и била его по ногам.

Спуск с горы охранникам давался нелегко.

– Этого толстого я знаю, его Геной зовут, – с неприязнью сказал Володя. – Противный мужик, гнилой и вредный...

– Ну и пусть вредный, а мы-то тут причем? – весь подобравшись, глухо произнес Роман. Он сжал зубы, на лице заиграли желваки.

– Так ведь вечер уже, похоже, охрана злится, что мы без оплаты въехали...

Костя стоял молча, глядя на возбужденных охранников, которые спешили к ним, тяжело дыша и спотыкаясь.

– Ребята, – его дрогнувший голос шел откуда-то из глубины груди, – я драться не умею... совсем... Я так понимаю, они нас могут поколотить...

– Это как пить дать... запросто могут... – раздраженно ответил Володя. – Ну, если что, будем защищаться...

– Костя, – Роман еще пару секунду оценивал обстановку и затем скомандовал: – быстро в машину и никому не открывай. Володя, ты как? Не против задать им перцу?

– Ну, если надо будет, я готов, – спокойно ответил тот.

– Тогда худой твой, а я с толстяком поразминаюсь...

Роман напрягся всем телом, встал в стойку и начал плавно качаться в разные стороны.

Охранники уже добежали до последней машины и, глубоко вдыхая и выдыхая, пытались восстановить дыхание...

– Але, шоферюги, – зло процедил толстяк. – Вам что, отдельное объявление писать требуется?

– Дядя, а тебе, вообще, что от нас надо? – голос Романа стал хриплым, он засунул руки в карманы своей куртки и, нащупав связку ключей, сжал их в кулаке. – Вали, куда шел. Не мешай нам работать...

– Ты, щенок! – завопил толстяк, угрожающе развернувшись в его сторону. – Да я тебя сейчас в порошок сотру. И по полигону разбросаю...

– А ты попробуй... Я от одного уже слышал... Царство ему небесное...

– Мужики! Мужики! – заверещал худой мужик, вставая между ними. – Давайте по-деловому.

Он повернулся к Роману.

– Ты, молодой, не кипишуй, – тонкие губы его постоянно причмокивали, складываясь при этом в отвратительную ухмылку. – Щас во всем разберемся. В первую очередь вы должны были произвести оплату за въезд...

– Мужик! – Роман, прищурив глаза, заговорил громко. – А не пошел бы ты лесом, если не знаешь таких простых вещей, что наша организация оплачивает полигон в конце месяца по факту...

– Зачем же так грубо? Это я знаю, – он ехидно заулыбался, – но сейчас речь о другом. Вы не заплатили нам, так как

приехали после шести вечера, это раз. Второе: у тебя продукты, которые ты должен выгрузить у нас...

Внутри Романа все клокотало. Мягко говоря, этот мужик был ему откровенно неприятен, но он постарался сдержаться и процедил:

– И к чему ты это ведешь?

– Повторяю для особо тупых, – снисходительно осклабился тот. – Вам необходимо сделать оплату, – он повернул голову к машинам, затем к водителям и добавил: – Это информация конкретно для вас троих. Ну а твоя машина, – он уставился на Романа, пронизывая его своими острыми глазами, – должна быть разгружена у нас, в охране...

От наглой ухмылки стражника и его хамского тона Романа покорило. Не видя перед собой достойного противника, он со злостью выпалил:

– Слушай, ты, дядя с двумя классами образования, вали отсюда и толстяка с собой прихвати, а то он уже на ходу засыпает.

– Ну, раз так... ладно... – оскорбившись, мужичонка решительно поправил кепку и вытащил рацию. Она затрещала, запищала, и далекий голос недовольно прохрипел:

– Ну, что там у вас?

– Отказываются выполнять указание охраны, дерзят... – подобострастно доложил худой.

– Ждите, сейчас к вам помощь придет, – голос отключился.

– Да чего там ждать, я его сам порву, как тузик грелку, – нарочито заводя себя, фальцетом взвизгнул толстяк и, оттолкнувшись от машины, двинулся к Роману. Он шел вразвалку, оскалив зубы и стуча ими, резиновая палка угрожающе крутилась в жирной руке.

Роман быстро оценил эмоциональное состояние своего противника, который старался его запугать. Физическая и техническая подготовка толстого стражника была никакой и не представляла опасности.

Коротко выдохнув, он сделал едва заметный наклон вперед. Охранник среагировал, не подозревая, что это была имитация прямого удара, и встал в защиту. В то же мгновение Роман резко отступил на полшага вправо и нанес боковой удар в челюсть. Толстяк зашатался, попятился назад, округлившись глаза его наполнились непониманием происходящего. Рот от неожиданности открылся, оттуда сначала раздался скрип, а потом звуки стали складываться в слова:

– Да я тебя!..

Покачиваясь, он с бешеными глазами двинулся на парня.

Роман сделал несколько шагов назад и, резко наклонив голову, мгновенно подался вперед. Финт удался. Ошалевший противник открылся, но уйти в защиту уже не получилось. Мощный апперкот в челюсть довершил удачную комбинацию. Глаза у толстяка скосились, словно он кого-то искал, но, так и не найдя, закрыл их и отлетел на несколько метров в сторону, распластавшись в грязи.

Роман выдохнул, сунул ключи в карман и пошел на художника глашатая, застывшего с открытым ртом. Тот не двигался с места и трясущейся правой рукой, все время промазывая, пытался открыть кобуру.

Остановившись в метре от него, Роман перевел взгляд за его спину, улыбнулся и произнес:

– Ну, вот и помощь пришла...

Худой обернулся в надежде на поддержку.

Хитрость удалась. Секунды оказалось достаточно, чтобы одним ударом в лицо опрокинуть оплошавшего соперника на землю. Он еще немного пошевелился, подогнул под себя коленки и затих.

– Ну ты, Роман, даешь, – восхищенно выдохнул Володя, с изумлением разглядывая лежащие тела. – Лихо ты их развел, никогда бы не подумал...

– Что делать, – пожал тот плечами, – пришлось вспомнить навыки из прошлого. У меня ведь, кроме спортивных тренировок, было и уличное воспитание...

Роман подобрал валявшиеся возле стражников резиновые палки и, размахнувшись, зашвырнул далеко под насыпь:

– Так оно спокойней будет...

В эту секунду их внимание привлекли крики, донесшиеся откуда-то сверху. Задрав головы, камазисты увидели на куче мусора, откуда недавно спускались толстяк с худым охранником, трех мужиков в камуфляжах. Метрах в полутора от них, широко расставив ноги, полукругом стояли шестеро пацанов

разного возраста. Каждый держал увесистую палку, небрежно перебрасывая ее из одной руки в другую. По разносившимся на всю округу громким крикам и жестикуляции собравшихся было видно, что спор идет серьезный, и, судя по всему, он вот-вот перейдет в потасовку.

– Я так понимаю, Володя, это и есть та охрана, что спешила на помощь, – с улыбкой произнес Роман. – Только непонятно, почему пацаны им прохода не дают...

В это время толстяк наконец очухался, зашевелился и стал подниматься, громко матерясь и отряхивая грязь с одежды. Пошатываясь на нетвердо стоящих ногах, он недоуменно огляделся по сторонам и, увидев недалеко от себя лежащего напарника, устался на Романа:

– Что с ним? Ты... что ему сделал?

– Не видишь, что ли, отдыхает, – усмехнулся тот в ответ и спокойно сообщил: – Пришлось объяснить ему о необходимости вежливого отношения к камазистам.

– Я могу его забрать? – тихо проямлил стражник, быстро утратив воинственность.

Роман посмотрел на его наливающееся синевой опухшее с правой стороны лицо и пожал плечами:

– Как хочешь. Я тебя не держу...

Толстяк опустил голову и, медленно переваливаясь с боку на бок, подошел к лежавшему товарищу.

– Слышь, Сергеич, ты как? Поднимайся... Надо идти...

Внезапно около машин появились четверо пацанов, каж-

дый из них держал в руке палку, отструганную под битку.

– Дядя, помощь нужна? – обратился к Роману юный здоровяк лет шестнадцати. Лицо его было не по-детски серьезным, голубые глаза с любопытством и удивлением разглядывали картину недавней потасовки.

Роман уставился на грязные длинные волосы неожиданного помощника и, улыбаясь, спросил.

– Вы что, тимуровцы?

Мальчишка обернулся к своим товарищам, те переглянулись между собой.

– Дядя, я не понимаю твоих шуток. Я реально тебя спрашиваю. Если помощь не нужна, то мы пошли к нашим... – и он указал вверх, откуда доносились грубые восклицания.

– Нет, ребята, спасибо, не нужна...

– Ну, тогда пока, – паренек шмыгнул носом, подтянул оборванные джинсы и с нескрываемым восхищением изрек: – Видел я, как лихо ты их устряпал...

Его рука указала на толстяка.

– Лихо, – уважительно повторил пацан, резко развернулся и махнул своим ребятам. Шустро мелькая пятками, пацаны дружно устремились в гору, в сторону испуганных охранников.

– Странно, – в задумчивости проговорил Володя, – но по всей этой ситуации можно предположить, что ребята пришли нам на помощь.

– Я тоже так понял...

Постоянно оглядываясь на группу несовершеннолетних, которые вели разборки с охраной, подошел Костя:

– Надо же, дожили. Мелюзга за нас заступается...

– Ладно, мужики, – произнес Роман, зябко поеживаясь, – вечереет уже, пойду-ка я поищу старшего по помойке.

Он развернулся и стал спускаться с дорожной насыпи. Пройдя несколько шагов, вдруг остановился и повернул голову к товарищам.

– Мужики, как-то я не спросил, а что у вас в контейнерах?

– Ну, как обычно, бытовка, – с удивлением проговорил Володя.

– У меня то же самое, – донесся голос маленького водилы.

– Ну и отлично, – Роман засветился от радости, – а у меня тонны две всяких вкусняшек из кондитерки, так что они, – он показал вниз на толпы бомжей, которые облепили огромные кучи, – машины наши спустят и поднимут на руках. Не пропадем!

И медленно, чтоб не поскользнуться, стал спускаться вниз. В голове вертелись мысли о трактористе, который рано слинял с работы...

– Дядя камазист, привет, – пропищала какая-то девчонка, отбежав в сторону. Видимо, побоялась, что высокий Роман не заметит и перешагнет через нее.

– Привет, дядя, – радостно прошепелявил беззубый па-

цан, сидевший тут же на корточках.

Роман обходил кучу мусора, и со всех сторон к нему тянулись, хотели с ним поздороваться маленькие и большие, старые, больные, вонючие, грязные люди.

Их было много. И каждый занимался своим привычным делом.

Ватага малышей, поднявшись на кучу, с криками «Принимай» сбрасывали или скатывали, у кого как получалось, предметы самых разных форм и размеров: квадратные и круглые коробки, ящики, упаковки, какие-то вещи. Внизу их принимали взрослые бомжи, рассматривали, ковыряли, извлекая содержимое, а после отбрасывали в сторону.

– Эй! Молодой, – обратился Роман к худому мальчугану на вид лет десяти. Мальчишка стоял, запрокинув голову, и внимательно разглядывал хмурое небо. Из старого разодранного ботинка торчал белый палец. Зеленые шорты были настолько короткими, что легкая клетчатая курточка с капюшоном полностью скрывала их, и оттого казалось, что нижнего белья на нем нет.

– Че, дядя? – круглая мордашка с лучистыми серыми глазами повернулась к Роману и расплылась в улыбке.

– Тебе не холодно? – спросил Роман, указывая на голые ноги пацана.

– Не-а, я закаленный... – сообщил тот с радостной улыбкой.

– Тогда скажи мне, морж, где найти старшего по полиго-

ну? Вроде Прокурором кличут.

Конечно, он мог бы обратиться к любому из взрослых, но, глядя на их пьяные движения, больше похожие на замедленные съемки из фильмов, тут же отогнал эту мысль.

– А ты, дяденька, правильно идешь. Вон там, за другой кучей, – мальчишка показал пальцем, – увидишь белый вагончик. Там он и живет...

– Спасибо тебе, – Роман сунул в его черные, сложенные корабликом худые ручонки сторублевую бумажку.

Мальчишка весь засветился от удовольствия и тут же деловито свернул деньги в трубочку.

– Малой, а тебя как звать?

– Ромкой кличут, – звонко отозвался тот.

– Ух ты! Выходит, мы с тобой тезки, – заулыбался Роман, – ну, будь здоров! Ты давай теплей одевайся...

– Ничего, я привычный... – махнул тот рукой и, резко развернувшись, бросился бежать с криком:

– Мама, мама! Мне дяденька денег дал...

Тонкий писклявый голос спугнул стайку чаек, которые засутились и стали зло поглядывать на мальчишку своими черными бусинками.

Добравшись до соседней развороченной горы с мусором, Роман наткнулся на аккуратно сложенные кучки железных банок, пластика и бытовых вещей.

Возле них ходил костлявый верзила и что-то бормотал себе под нос, то и дело поддергивая сползавшие с худых бедер

грязные поношенные брюки. Пока одна рука подхватывала ускользающие штаны, на другой он загибал пальцы и что-то подсчитывал. Штаны не слушались его и упорно стремились к земле. Пытаясь одновременно удержать штаны и загибать пальцы, он громко матерился и шмыгал носом. Сидевшие невдалеке два маленьких молодых бомжа с любопытством наблюдали за его действиями, не трогаясь с места.

Наконец худой остановился, глянул на небо и, пожевав губами, глубокомысленно изрек:

– Опять дождь будет...

Затем обернулся к своим помощникам:

– Че устались? Хватайте мешки и загружайте добро...

В этот момент Роман, оказавшийся у него за спиной, спросил:

– Дядя, не подскажешь, где найти прокурора?

Длинный от неожиданности вздрогнул и стал медленно разворачиваться. Роман увидел перед собой обросшее щетиной вытянутое лицо с кривой, как будто он только что съел лимон, улыбкой, которая исказила его и без того уродливые черты.

– А я что, не похож на него? – проскрежетал искривленный рот и широко раскрылся, обнажая два по неизвестной причине уцелевших передних желтых зуба.

– Я серьезно, – нахмурился Роман.

– А, ну если серьезно... – рот продолжал изображать сумасшедшую улыбку. – Да вон он, у вагончика, – и правая ру-

ка верзилы в черной перчатке вытянулась, указывая на полного мужчину.

Толстяк стоял к ним спиной, глядя в сторону забора, огораживающего полигон. Серый расстегнутый плащ на нем постоянно шевелился...

– А-а-а, вижу, – кивнул Роман, не торопясь отходить от верзилы. Распиравшее его любопытство не давало покоя, и, не удержавшись, он задал вопрос, который давно вертелся у него на кончике языка:

– Скажи, а почему его Прокурором кличут?

– Да по кочану, – вдруг посуровел бомж и, немного помолчав, со знанием дела изрек: – Это не кликуха. Он действительно из бывших... Ну, может, свободы захотелось... А может, запахов природы... Кто его знает? Так бывает: заклинит – и сразу все в голове переворачивается...

Довольный своей философской тирадой, бомж разулыбался беззубым ртом и добавил:

– В общем, припекло, видать, мужику, вот и пошел бродяжничать...

– М-да, я уже заметил, – шофер покосился в сторону двух бомжей, загружающих алюминиевые банки в мешок, – слишком много тут вас таких, любящих природу...

– А чему ты удивляешься? Девяностые сыграли свою роль. Нас стало миллионы...

Роман обернулся к мусорной горе, где недавно дал деньги мальчишке, и с сожалением произнес:

– Ну да... Детей только жалко... не понимают они вашей свободы...

– А чего их жалеть? – бож удивленно округлил глаза. – Многие из них тут и рожденные, школы в глаза не видели, зато работу по потрошению мусора уже хорошо освоили...

– Это я тоже заметил...

– Ха! Для нас они ценные кадры, если что, еще и попрошайничать виртуозно умеют...

Бож глянул в сторону Прокурора, который все так же продолжал стоять спиной, и махнул рукой.

– Ладно, парень, ты давай иди, а то Николаич увидит – ругаться будет...

Роман зашагал к толстяку, наблюдая, как тот, почувствовав приближение чужака, неторопливо поворачивается к нему всем своим грузным телом. Спокойный чуть насмешливый взгляд, пронзающий насквозь, устремился навстречу. Левая рука толстяка поднялась и медленно поползла по его круглой голове с короткой стрижкой. Серебристые волосы, сверкнув сединой, слегка взъерошились, но тут же упрямо легли на свое место. Роман отметил, что строгие черные брюки его имели какой-то странный отблеск, скорее всего, это было отражение от начищенных коричневых ботинок.

Толстяк с любопытством рассматривал подходящего к нему человека, улыбаясь иронично и немного настороженно.

– Добрый вечер, – приветствовал его Роман, – вы, как я

понял, и есть Николаич?

Он не смог произнести слово «прокурор», чувствуя себя здесь случайным гостем, зашедшим по делу.

Толстяк не торопился отвечать. Прищурившись, он критически смотрел на водилу, молча изучая его.

– Меня зовут Романом, я... – немного смущенный таким приемом, начал тот.

– Можешь не говорить... Я видел три КАМАЗа... Мне доложили о вашей ссоре с охраной... Да, с разгрузкой у вас будут проблемы...

Толстяк говорил медленно и спокойно, как будто он давно уже в курсе проблем с КАМАЗами и ему это совсем не интересно.

– Что, молодой человек, город сделаем чище, а полигон заполним смрадом?

Его маленькие круглые глазки сощурились, собрав множество морщин лучиками вокруг глаз. Затем круглое лицо неожиданно изменилось, расправилось, и в глубине зрачков засветились хитрые огоньки.

– Наверно, – машинально ответил Роман.

– Что-то я тебя здесь раньше не видел. Новенький?

Он засунул руки в карманы плаща, продолжая изучающе смотреть на Романа.

– Да нет. Просто не люблю выходить из машины при разгрузке.

– И все же вышел...

– Появилась проблема... Без трактора не могу поднять-ся...

– Соглашусь с тобой. Тем более что уже вечер. Тракторист за какой-то гайкой поехал в город. Будет только завтра... А что так припозднились?

– Так вышло. Супермаркет дожидался, пока просрочку взвезят, документы оформят...

Толстяк вдруг добродушно заулыбался и, глянув на толпу бомжей, копавшихся в куче мусора, кивнул в их сторону.

– Понятно. Значит, сегодня для них будет пир...

– Я не против, но мне надо освободить машины и как-то выехать. Дорога хреновая... – Роман твердо смотрел в глаза собеседнику. – Сами понимаете, я штрафов не хочу...

– Не беспокойся, штрафов не будет.

Прокурор вновь пригладил волосы на затылке и посмотрел на бомжей.

– Значит, так. Разгружайте машины там, где стоите. Ребятки подойдут и все очистят. А вы спокойно уедете...

Кивнул в сторону толпящихся обитателей свалки и с сожалением добавил:

– Народец здешний, конечно, туповат, но, чтоб машины разгрузить, много ума не надо. Не эти, так другие, сейчас в них дефицита нет. Эх! Если бы они понимали, что мусор – это Клондайк, они бы так паршиво не жили.

Скосив глаза на ограду свалки, что-то невнятно пробормотал и махнул рукой, как бы завершая разговор:

– Что тут говорить... Это понимание только для здравомыслящих, но, увы, таких здесь нет... А эти... Уж слишком много пьют... Поковыряются в кучах... что-то надыбают, сдадут – и рады... и снова пьют...

Небо быстро затягивалось черными тучами. Ветер злился, подхватывал пластиковые бутылки и швырял их в разные стороны. Поднятая в воздух бумага кружилась хороводом...

Вместе с тучами пришла темнота, и люди, копошившиеся на вонючих кучах, постепенно сливались с нею и становились черными шевелящимися пятнами...

Толстяк поднял голову к небу и что-то долго разглядывал там. Затем поежился, скрестил руки на груди и буркнул себе под нос:

– Вот так всегда: и свою работу толком не сделали, и вас черт принес с проблемами...

Повернувшись к долговязому, подумал и крикнул:

– Ладья! Людей побереги, – он махнул рукой в сторону светящихся фарами КАМАЗов, – видишь, еще работа будет... Пусть немного передохнут...

Худой непонимающе уставился на толстяка, медленно соображая, что ему говорят. Через несколько секунд будто очнулся, зашевелился, и его налобный фонарик вместе с головой согласно задвигался вверх-вниз. В дополнение он замаhal в нашу сторону руками и раздраженно прокричал:

– Да понял я! Понял, говорю!

– Роман, пойдем со мной, – тоном, привыкшим командо-

вать, произнес Прокурор, развернулся и зашагал к вагончику, в окнах которого виднелись горящие свечи.

Дверь, расположенная посередине вагончика, плавно открылась, они оказались в маленькой кухне, по обе стороны которой, слева и справа, располагались пластиковые двери. На миниатюрном столике горела свеча, потрескивая и изредка вспыхивая неяркими язычками пламени. Пахло воском.

Хозяин вагончика открыл дверь слева.

В небольшой комнатушке напротив окна стоял диван с брошенным на него одеялом и подушкой. У окна столик с двумя венскими стульями. Дальше часть комнаты была отгорожена коричневым шкафом.

– Ты где? – пробасил Прокурор.

Из-за шкафа выглянула худенькая девушка с растрепанными волосами и недовольным лицом.

– Ты че, спала?

– Нет, песни пела, – огрызнулась та.

– Ну-ну... Чаю нам поставь, – мягко попросил Прокурор.

– Нет, я чай пить не буду, – замотал головой Роман. – Давайте все обсудим, и я пошел к КАМАЗам...

– Ну, давай, – согласился хозяин и показал на стул, сам сел со стороны шкафа.

Девушка неожиданно тихо появилась за спиной Прокурора и тронула его за плечо.

– Олег Николаевич, если чай пить не будете, тогда я пошла к охране за водой. Ну, чтоб утром не бегать...

– Иди-иди, Софья, а мы пока с молодым человеком поговорим, – он заулыбался и щелкнул пальцами. – Да, заодно Ладью позови сюда.

– Хорошо, – девушка кивнула и бесшумно двинулась к выходу.

Когда она проходила мимо, Роман заметил, что голова ее уже была аккуратно причесана. Вблизи она походила на девочку-переростка и кого-то сильно ему напоминала.

Роман не выдержал и поинтересовался:

– Софья, а ты в какой школе училась?

При этих словах девушка вздрогнула, как от удара, и изменилась в лице. На секунду оцепенела, а затем линию ее рта свело нервной судорогой... Оглянувшись, она внимательно посмотрела в глаза водителя и, ничего не ответив, взяла ведро и вышла.

– Извините, – обескураженный такой реакцией, проговорил Роман, повернувшись к Прокурору, – просто лицо Софьи показалось мне знакомым. Она напомнила мне одну давнюю знакомую, когда-то жили в одном дворе...

– Понятно, – сдержанно произнес тот и задумался. – Эта девушка находится на моем попечении... Когда-то я помог ее маме... Давнее дело... Ну ладно, короче.

Он зажег еще одну свечу и поставил около себя.

– Значит, ты говоришь, два КАМАЗа с мусором, а твой с продуктами?

– Да, совершенно верно. Около полутора тонн...

Прокурор хлопнул в ладоши и медленно потер их.

– Ну и ладошки, устроим нашему населению праздник души и живота...

– Да, но имейте в виду – они просроченные, – осторожно предупредил Роман.

– Ты в каком мире живешь, молодой? Посмотри вокруг. Здесь народ ко всему приспособленный... тем более осень на дворе... Вкусного всем хочется... Для них это праздник...

В вагончик засунулся долговязый.

– Звал, Николаич?

– Ну, звал.

– Тогда говори скорее, а то там ветер поднялся, разнесет наш товар по полигону, нечего сдавать будет...

– Так придави его чем-нибудь тяжелым...

– Уже придавил...

– Вот и ладно, вот и молодец!

Прокурор довольно поднял указательный палец.

– Вот видишь, Роман, на таких ответственных и держится полигон... Он и с ментами найдет общий язык, и с местным контингентом, и с трактористом...

– А то! Чай, не один десяток лет здесь живу... Всего на-смотрелся... Ко всему приспособился... – Ладья с достоинством выпрямился и гордо выпятил свою худую грудь, будто подставляя ее для награждения.

Прокурор вытянул вперед правую руку и растопырил

пальцы, осаживая его:

– Все, хватит, давай о деле, – он посерьезнел и строго уставился на ответственного. – КАМАЗы видел?

– Да-а-а! – прохрипел тот.

– Значит, коротко. Два из них с бытовым мусором. А один, это Романа, с продуктами...

– Ух ты! – промычал худой и восхищенно закрутил головой.

– Так вот, надо быстро разгрузить их... Только это... сам понимаешь – вкусняшки в последнюю очередь... Важно, чтоб народ видел цель и шел к ней через свой труд...

– Да понял я, понял, Николаич, – сияющая улыбка не сходила с его лица. – Все сделаем в лучшем виде, не беспокоюсь. Я Роману объясню, как правильно к этому вопросу подойти...

Довольный тем, что проблема наконец разрешилась, Роман поднялся.

– Ну что, Ладья, тогда надо идти, а то за окном уже темно.

В вагончик тихо вошла Софья с полным ведром воды, аккуратно поставила его у дверей и скрылась за шкафом.

Прокурор тяжело поднялся, проводил ее глазами и сказал, будто оправдываясь:

– Надо было в моей комнате разговаривать, а то смутили девчонку.

Роман уже подходил к дверям, когда голос хозяина вагончика окликнул его.

– Да, кстати, Роман, если ты завтра работаешь, сможешь довести Софью до магазина?

Роман коротко кивнул и уточнил:

– Где-то к одиннадцати буду здесь и заберу.

– Ну и славно, – глаза хозяина неожиданно засветились теплом, и он с улыбкой добавил: – А за то, что охрану отдубасил, мой тебе респект...

Роман с Ладьей вышли. Темнота, пропитанная смрадом, от которого не спасал даже холод, окутала их со всех сторон.

Глава 3

Ровно в одиннадцать Роман уже выгружался на полигоне. Тускло светило холодное осеннее солнце, к реке, обгоняя друг друга, тянулись облака.

Софья возникла неожиданно, немного испугав его своим появлением со стороны кабины водителя.

– Роман, привет, я готова.

Невысокая, худенькая, в широком сером плаще, она выглядела удивительно хрупкой и беззащитной. Большие карие глаза смотрели с доверчивой улыбкой, а руки то и дело поправляли темные распущенные волосы, который безжалостно трепал ветер.

– Ну и чего стоим, – нарочито грубовато, чтобы скрыть внезапно возникшее щемящее чувство жалости к ней, бросил Роман и тут же вежливо предложил: – Тебе помочь?

– Нет-нет, не надо, я сама, – она проворно вскочила на подножку, открыла дверцу и аккуратно устроилась на краешке сиденья, поджав под себя ноги.

– Ну, тогда поехали. Только держись, дороги здесь не ахти... – предупредил он, искоса глянув на ее напряженную фигурку.

– Я в курсе, – буркнула она.

Выехали на трассу. Софья, не поворачивая головы, неотрывно смотрела в окно и молчала. Роман, не зная, с чего

начать разговор, тоже не нарушал молчания, только беспрестанно поглядывал в боковые зеркала и иногда прижимался к обочине, чтобы пропустить стремительно обгонявшие их юркие легковые машины.

Пауза затягивалась.

Они уже подъезжали к городу, когда Софья вдруг встрепенулась и резко развернулась к нему.

– Я... я не знаю, о чем говорить... – высоким, звенящим от напряжения голосом произнесла она. – Ты ведь узнал меня... и увидел там, где не должен был видеть...

Коротким взглядом он успел заметить ее огромные глаза, наполненные слезами.

– Ну, скажи... скажи что-нибудь... Противно, да? Представь, мне тоже... А что... что я могла сделать?! – губы ее мелко дрожали, голос звенел и срывался. – Я уже два с половиной года на этой помойке... Так вышло... И уже ничего нельзя изменить...

Машина на скорости проскочила «лежащего полицейского», кабину сильно подбросило, и это привело девушку в чувство. Она резко оборвала свой крик, долго смотрела в боковое окно, а затем вытерла слезы и угрюмо произнесла:

– Никогда бы в жизни не подумала, что так все получится...

Роман не отвечал. Крепко сжав руль обеими руками, он до боли в глазах всматривался в бегущую под колеса серую ленту шоссе, будто надеялся найти там ответы на возникав-

шие в голове вопросы. Да и что можно было сказать! Все, что он за эти дни видел и слышал, не поддавалось логике.

Мысленно он вернулся назад, в школьные годы – чудесное время, когда ты еще не знаешь, что оно и есть самое счастливое, когда полон надежд и планов на будущее. Он помнил ее школьницей с огромными распахнутыми глазами в поллица и тугими косичками. Они жили в одном доме, в соседних подъездах, и он не обращал на нее особого внимания, потому что она была чуть младше – года на три или четыре. Ему, старшекласснику, до такой мелюзги тогда не было никакого дела. Хотя, надо сказать, эта мелкота, собиравшаяся около его подъезда, постоянно попадалась ему на глаза.

Он вдруг так живо вспомнил эту картину, что невольно заулыбался. Всякий раз, когда он проходил мимо, девчонки затихали, а потом начинали громко смеяться и шутить, стараясь привлечь его внимание.

После десятого они с матерью переехали в другой район города. И она выпала из его памяти, как и многое другое, что по молодости лет кажется незначительным и неважным.

Взрослая жизнь подхватила его, закрутила, понесла по ухабам.

Все было почти так же, как у всех. После армии попытался найти работу, но безрезультатно – никто нигде с распростертыми объятиями его не ждал. Востребованная в те времена специальность строителя как-то не пришлась по душе. Хотя, что лукавить, разнорабочим он все-таки поработал меся-

ца два...

Отучился в автошколе, получил удостоверение водителя грузового транспорта.

Работа дальнобойщиком осталась в памяти как страшный сон.

Как-то ночью застрял на трассе под городом Пермью. Один, без еды, в сильный мороз. Чтобы не замерзнуть, всю ночь жег запасные колеса, спасаясь от жуткого холода и темноты...

Понятное дело, после этого с треском вылетел из автокомпании, хорошо еще, что долг за колеса не повесили...

Работы в городе не было совсем – все производства к тому времени либо уже закрылись, либо находились на грани ликвидации...

Мать, недолго поколебавшись, сделала свой выбор, заявив, что не готова тащить на своих плечах такого здоровяка и содержать его на нищенскую зарплату...

Несколько дней он как неприкаянный шатался по городу, перебиваясь случайными заработками, пока неожиданно не наткнулся на объявление о том, что компания набирает водителей большегрузов для перевозки бытовых отходов. Сознание того, что за рулем тяжелого КАМАЗа он не просто выходит в рейс, а очищает любимый город от мусора, придало ему уверенности в себе. Он ощутил свою востребованность и некоторую самостоятельность.

Тихий плач, по-детски горький и обиженный, вернул его

к действительности.

Он помрачнел, нахмурился и проговорил:

– Не плачь... я и сам не знаю, что тебе посоветовать...

Мокрые глаза, в которых светились боль и страдание, смотрели на него непонимающе:

– Я тебя когда увидела... у меня внутри все перевернулось. Сама себе стала противна. Показалось, что вышла из ванны, искупавшись в дерьме... Поверь, я хочу жить иначе... помойка – это не мое...

Роман глянул на нее.

– Ты сейчас серьезно говоришь? У тебя было столько времени понять, что это не твое... Но ты продолжала жить здесь, на полигоне, среди этих опустившихся людей и куч мусора...

– Так сложилось... Я ведь осталась совсем одна... мне тяжело там...

Она отпустила голову и долго молчала, потом тихо промолвила:

– Впрочем, наверное, ты прав... Я хотела уйти из жизни, это было не раз и не два... Не получилось... Олег Николаевич как-то сумел меня убедить, что это не выход. Обещал, как только появится возможность, помочь мне начать другую жизнь...

– Ну да, я уже слышал от него, что он тебя оберегает...

Она слабо улыбнулась.

– Ну да, он действительно хороший человек. Когда-то был

другом матери. Три года назад мать взяла кредит под нашу квартиру. Зачем, на какие цели – и сама не знала, даже не поняла, как вышло, что банк ее уболтал... Когда опомнилась, было поздно, все уже закрутилось... От расстройства запила, ее парализовало, и проклятый кредит навис над нами как дамоклов меч...

Я была в панике. Что я могла? Девчонка, которая и жизни-то толком еще не знает, не понимает, что делать, к кому обратиться. Начала искать хоть какую-то работу. Конечно, везде получала от ворот поворот – кому нужна малолетка без специальности... Пошла мыть полы в подъездах, на руках появилась аллергия... Пришлось эту работу бросить, да там и платили, сам знаешь...

Софья глубоко вздохнула и надолго замолчала, уставившись в лобовое стекло. Потом закрыла глаза и продолжала:

– Все произошло быстро и печально: пришли какие-то люди, показали документ, и квартира перешла в собственность банка. Мать забрала к себе в однокомнатную квартиру ее сестра. А я оказалась просто выброшенной на улицу...

До встречи с Олегом Николаевичем я уже многое познала: незнакомые компании, ночевки на вокзалах и в подъездах...

Однажды он буквально вытащил меня из буфета пригородного вокзала, где я распивала спиртное с убежавшими из дома такими же никому не нужными ребятами. Надавал мне по щекам и заставил пойти с ним. Думала, сдаст меня в полицию и прощай, но мы просто долго шли, а потом ока-

зались в кафе, где я с голодухи набросилась на еду, уплетая за обе щеки...

А потом... потом мы долго говорили про жизнь...

И как-то само собой вышло, что он сумел меня убедить поехать с ним на полигон... А может, мне тогда просто все равно было куда. Главное, не оставаться одной... Именно здесь, на полигоне, я впервые за долгое время почувствовала себя защищенной и кому-то нужной. Впервые рядом оказался кто-то, кто меня пожалел, ни в чем не упрекая и ничего не требуя взамен. Он стал мне вместо отца... А я поверила, что с его помощью смогу изменить свою жизнь...

Роман слушал молча, ощущая, как в его душе поднимается и растет какое-то новое, до сих пор неизведанное, непонятное и оттого немного пугающее чувство. Может, это жалость была, может, сострадание... Только чувство это становилось все острее, так что ему вдруг стало больно дышать и ужасно захотелось что-то сделать, чтобы помочь этой несчастной и одинокой девчонке, запутавшейся в жизни.

– Я с ним согласен, – закивал он головой, – на сто процентов согласен – все можно изменить. Главное, старайся руки не опускать, не терять веры... Мы молоды, и у нас есть силы, чтобы жить достойно. А для начала надо попытаться уйти от своих проблем...

Знаешь, у меня ведь тоже не все гладко. Вернее, все совсем не гладко. С матерью не живу, арендную комнату в общежитии... В общем, как-то приспосабливаюсь к жизни... Прав-

да, хвастаться пока нечем, – тяжело вздохнул он и рывком вывернул руль.

КАМАЗ подъехал к продуктовому магазину.

– Это, что ли, твоя точка?

– Да. Я здесь долго задерживаться не буду, бачков сегодня, смотрю, мало.

– Ну, тогда я постараюсь закупить все по-быстрому, – поспешила заверить его Софья, – и буду как штык.

Роман коротко кивнул.

С усилием открыв дверь кабины, она как-то неуклюже спрыгнула с подножки и направилась к входу в магазин. Роман откинулся на спинку водительского сидения и вновь с головой ушел в воспоминания. Похоже, такой у него сегодня день выдался.

Прошло уже минут тридцать, а девушка с продуктами все не возвращалась. Роман начал с нетерпением поглядывать на часы, мысленно поторапливая пассажирку. Наконец ему надоело ждать, и, выйдя из машины, он с досадой так сильно хлопнул дверцей, что внутри кабины что-то звякнуло.

Оглянувшись, хотел было вернуться и посмотреть, но на полдороге остановился, с досадой махнул рукой и быстрым шагом пошел в магазин. В супермаркете было безлюдно. Роман поискал девушку глазами и, не обнаружив среди полок с товаром знакомой фигурки, в недоумении обратился к кассирше.

– Извините, вы здесь девушку в сером плаще не виде-

ли? Ну, такая невысокая, с длинными распущенными волосами...

Широкое лицо работницы перекосила неприятная гримаса. Она подняла свой пухленький сжатый кулачок с выставленным вперед указательным пальцем и плавно вытянула его вдоль прилавка.

– Там она, в подсобке, воровка несчастная... – в темных узких глазках ее загорелся мстительный огонек. – Охрана с ней разбирается...

– Ну, зачем вы так, – на скулах Романа заиграли крупные желваки. – Может, это ошибка... – проговорил он сквозь сжатые губы.

– Ага, ошибка... как же! Знаем мы эти ошибки, – изобразив на своем лице постную мину праведницы, продавщица хмыкнула и положила что-то в широко открытый рот. Челюсти заходили ходуном, перемалывая содержимое, и она отвернулась от парня, потеряв к разговору всякий интерес.

Двери подсобного помещения были приоткрыты, оттуда доносились обрывки разговора на повышенных тонах:

– Это ты полиции, когда приедет, будешь доказывать, что ты не верблюд, а заодно и то, что ничего не собиралась красть...

– Да не крала я ничего, слышите вы меня или нет! – по-

слышался резкий визгливый женский крик. – Я на кассе была, уже который раз повторяю. Просто деньги куда-то засунула...

– Ну да, рассказывай... Сунула, засунула, – перебил ее грубый голос. – Да откуда у тебя вообще могут быть деньги? Они вам, бродягам, только снятся... Работать надо...

Послышался веселый смех двух мужиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.